

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

НИКОЛАЙ ЛЮБИМОВ

НЕУВЯДАЕМЫЙ ЦВЕТ

Книга воспоминаний

Том I

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2000

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Л 93

Издание осуществлено при поддержке
Министерства культуры
Российской Федерации

Любимов Николай

Л 93 Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний. В 3 т. Т. I. –
М.: Языки русской культуры, 2000. – 416 с.

ISBN 5-7859-0091-2

В книгу вошли воспоминания старейшего русского переводчика Николая Любимова (1912–1992), известного переводами Рабле, Сервантеса, Пруста и других европейских писателей. Эти воспоминания – о детстве и ранней юности, проведенных в уездном городке Калужской губернии. Мир дореволюционной российской провинции, ее культура, ее люди – учителя, духовенство, крестьяне – описываются автором с любовью и горячей признательностью, живыми и точными художественными штрихами.

Вторая часть воспоминаний – о Москве конца 20-х–начала 30-х годов, о встречах с великими актерами В. Качаловым, Ю. Юрьевым, писателями Т. Л. Щепкиной-Куперник, Л. Гроссманом, В. Половским, Э. Багрицким и другими, о все более сгущающейся общественной атмосфере сталинской эпохи.

Издательство предполагает продолжить публикацию мемуаров Н. Любимова.

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavie@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книоторговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0091-2

© Н. М. Любимов, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Даль и ширь	9
Ближние	13
Свет присносущный	37
Родники	56
В саду	126
Окна на улицу	163

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Москва	227
В доме Ермоловой	283
В гостях	329
Ветер с юга	360
<i>Б. Н. Любимов. Несовременник: об авторе и его книге</i>	409

МОИМ ДЕТЯМ — ЛЁЛЕ И БОРЕ

*...хорошо с Богом начать дело,
и с Богом кончить его...*

Епифаний Премудрый,
Житие преподобного Сергия Радонежского

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Воспоминание, минувшего зарница,
Блеснет и озарит пройденный нами путь,
И прожитые дни и выывшие лица —
Все тени милые — теснятся в нашу грудью.*

Вяземский

*...в холод долгий наших поздних дней
В нас действует любовь отцов и матерей.*

Случевский

ДАЛЬ И ШИРЬ

Древний городок на горе.

Странное у него имя, необычное для городов средней полосы России: Перемышль.

Сохранилось предание, будто князь, прибывший сюда из Галиции и основавший его, окрестил его в честь Перемышля, откуда он явился, — так любил князь родовое свое гнездо и так хотелось ему, чтобы хоть привычное сочетание звуков напоминало ему о былом.

Объясняли и по-другому, нимало не заботясь о правдоподобии: будто местные князья Воротынские вознамерились на этом месте дать бой татарве, но потом перемыслили.

В XIV веке городок уже существовал. И чего только ни пришлось ему изведать! Не знал он лишь «труса», а потоп, хотя в малой мере, но испытал, не избежал ни глада, ни огня, ни меча, ни нашествия иноплеменников и междуусобных брани¹, претерпевал разорение татарское, разорение литовское, разорение колхозное, разорение ежовское, видывал войска Лжедмитрия II, и войска пана Сапеги, и войска пана Лисовского, и полчища Гитлера, и армию освободителей, чинившую над жителями суд скорый, да неправый и уж никак не милостивый, выгорал от пожаров, вымирал от холеры — словом, чашу горя, сужденную едва ли не всем российским градам и весям, испил до глубокого дна.

Губернский город Калуга — в двадцати семи верстах. От Калуги до Перемышля бледно-желтой лентой змеится шоссе и вливается в главную улицу Перемышля — Калужскую. Почти прямо от Козельской улицы идет большак на Козельск, уныло однообразный, как все российские большаки. По Козельскому большаку езживали и хаживали богомольцы в знакомую нам по «Братьям Карамазовым» Оптину пустынь, основанную, как гласит предание, разбойником Оптой, одним из многих русских людей, руководствовавшихся правилом: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься», — и в Шамординскую жен-

¹ Ср. молитву, возглашаемую на литии: «Еще молимся, о еже сохранитися граду сему, и всякому граду и стране, от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествия иноплеменников и междуусобных брани...».

скую обитель, куда удалилась от мира сестра Льва Толстого, Мария Николаевна. Мой учитель математики Петр Михайлович Лебедев жил в доме на углу Калужской и Козельской улиц, где когда-то была гостиница, а в этой гостинице проездом к сестре останавливался Лев Николаевич.

Кто держит, бывало, путь из Калуги в Перемышль, тому дважды пересекает дорогу Ока: первый раз — под самой Калугой, а затем — в двух верстах от Перемышля. Под Калугой, едва река после вешнего половодья входила в берега, наводили деревянный мост на лодках, а разводили уже перед самым рекоставом. Под Перемышлем с весны до зимы ходил паром.

Как сойдешь с парома на перемышльский берег, справа будет Горское озеро (по имени деревни Горки), не видное идущим и едущим по шоссе — таким густым ивняком заросли его берега. Под самым Перемышлем, но уже слева, еще одно озеро — Бездонное. Так звалось оно в старину, но затем его стали называть скромнее — Городским. Отделенное от Городского озера узеньким перешейком, возникает еще одно озеро — Резванское, впоследствии переименованное в Хохловское — в честь деревни Хохловки, с этой стороны почти вплотную подступающей к Перемышлю. А разбросанных по лугу узких, но глубоких «котелков» и не счесть. Когда-то Ока несла свои воды под Перемышлем, но на старости лет отступила, оставив озера на глубоких местах своего старого русла, своей «старицы», и отхлынув к другой крутой горе, на которой раскинулись две деревни — Мехово и Вороново. Между озерами и рекой — ширь поемных лугов: Клевера, Заозерья, Гусятника и Лугового. За рекой синеют леса, перелески, жмутся одна к другой серые избы сел и деревень. В трех верстах от Перемышля в Оку впадает Жиздра. Ока своенравна и коварна. Что ни год, гибнут в ее как бы внезапно разверзающихся ямах неискушенные пловцы, но на вид она приветлива, улыбкива, ласкова: полная противоположность Жиздре, зажатой здесь берегами и — кажется, именно оттого — такой сердитой и мрачной; кажется, именно от бессильно завистливой ярости, что негде ей развернуться, что нет у нее такого приволья, как у Оки, крутит она свои беспрестанные водовороты.

При дружной весне большие и малые воды образуют великую реку. В 1908 году часть Перемышля превратилась в Венецию. Старая фотография запечатлела один из таких «венецианских» видов: по Калужской улице плывет лодка.

Самая старинная часть города, откуда и зачался он, — Завершье, там, где стоял до 1973 года рухнувший вследствие «искусной» реставрации собор XVI века во имя Успения Божьей Матери. От более молодой части города, от «посада», «старый острог», «старое городище», как именуется Завершье в перемышльских писцовых книгах, отделено «верхом» — Пушкарским рвом, тянущимся во всю ширину Перемышля, выходящим в поле и подступающим к деревне Хохловке. На склонах этого

рва, в давно прошедшие времена — лесистых, жили в землянках пушкарки — охрана крепости. В гололедицу этот ров для завершных жителей был сущим наказанием. Почтенная учительница Раиса Ивановна Георгиевская съезжала с горы на портфеле, набитом тетрадами учеников.

От Успенского собора некогда вел к Бездонному озеру подземный ход — должно быть, для подноса воды на случай осады крепости — колодца-то ведь в крепости не было. Неподалеку от собора, на высоком берегу Резванского озера стоял Никольский монастырь, от которого время долго щадило всего одну церковь. В этой церкви похоронена была прабабка Петра Великого, Нарышкина, Бог весть какими судьбами очутившаяся в Перемышле. Гробница в уже давно (с 30-х годов) не действовавшей церкви сохранялась, однако, до 1944 года. Немецкими варварами к тому времени в Перемышле уже и не пахло (их выбили в декабре 1941 года), но некий советский Ксеркс, по-видимому желая отомстить церкви за то, что в период оккупации жители привели ее в порядок и в ней, если бы не приход освободителей, должно было начаться богослужение, повелел взорвать преступную древность, и красивая церковь, а вместе с ней и гробница взлетели на воздух, засыпав щебнем могилы похороненных в церковной ограде. Бесовская страсть к разрушению, пренебрежение к предкам и к своей же собственной истории — это одна из многих стихий, что сшибаются в неблагоприятной, мятущейся русской душе.

С течением времени «крепость» Завершье превратилась в окраину, а город, собственно город, разросся по эту, ближайшую к Калуге, сторону рва: тут и все лавки, и все присутственные места, и церковно-приходское училище, и высшее начальное училище, и больница, и аптека провизора по фамилии Царский, и городской сад на высоком берегу озера (как его называли перемышляне — «бульвар»), в 1911 году возникший по почину местной интеллигенции, и летний театр в этом саду, и клуб, и женская прогимназия, которую построил на свои средства купец, городской староста Яков Михайлович Химин (его вдову Надежду Александровну после революции лишили «в знак благодарности» избирательных прав), и три церкви: самая старинная в этой части города, вся какая-то веселая, радостная, розовая с синими куполками, Рождественская (в просторечии — Георгиевская), издалека видная идущим и едущим из Калуги, Духо-Сошестввенская (в просторечии — Никитская), стоящая на площади, в начале городского сада, и Покровская (в просторечии — Фроловская).

Туда взглянешь — озера, заливные луга, и в самой дальней дали — там, где земля сливается с небом, как представляется детскому взгляду, — леса и деревни. Сюда взглянешь — даль не луговая, а полевая, пересеченная лесистым овражком, Заячьим верхом. За ним — Городской лес, непонятно для каких целей вырубленный в первые же годы революции. Прямо посмотришь — все поля и поля, Оки не видно, виден

только белою птицей присевший на том берегу Лютиков монастырь (древний камень его стен пошел в тридцатых годах на силосную башню).

Вслушиваясь в грустный, невнятный, но неотступный зов певучих, плывучих далей, среди всей этой задумчивой, тихоструйной, самобытной захолустной прелести, в этом малом уютном мирке, в этом уездном городе, отнюдь не дремотном, жившем жизнью не торопливою, не напряженною, но тем глубже вбиравшей в себя все впечатления, то хоронившемся за сугробами выше крыш, то овеваемом нежащим, смутно волнующим, смутно тревожащим, что-то обещающим, с весеннего разлива дующим ветром, то засыпаемом черемуховым, сиреневым, вишневым и яблоневым цветом, полнившимся то ароматом цветущего моря лугов, то винным запахом златобагряного листопада, то задорным журчаньем первых ручьев, то деловитым, важным и добродушным гуденьем майских жуков, то весельем говорливых квакуш, то самозабвенною соловьиною песнью, то щемяще-прощальным журавлиным курлыканьем, в городке, осененном крылами пяти церквей с их реявшим в воздухе вечерним и утренним звоном, звуковые волны которого сливались с волнами голубого и синего света, и провел я первые свои семнадцать лет.

Москва. 1962—1975

БЛИЖНИЕ

Отцы наши жили, любили,
И матери нас воспитали!

Случевский

Грусть и память стоят у порога
И по комнатам тихо ведут.

Константин Аксаков

1

Обоих дедов своих я знаю по карточкам и по воспоминаниям родных. Да и отца, в сущности, тоже.

Дед мой с отцовской стороны, Михаил Ермиевич Любимов, родом из Мещовского уезда Калужской губернии, был сельским, или, как говорили встарь, народным учителем в Западном крае, в Кобринском уезде Гродненской губернии, и получал восемнадцать рублей жалованья. По случаю вступления в законный брак с девицею Анной Троицкой, на каковой брак он, как тогда полагалось, испрашивал дозволения у директора народных училищ, тот же директор распорядился выдать ему пособие в размере тридцати шести рублей, и от попечителя Виленского учебного округа он получил тринадцать рублей пятьдесят копеек.

На восемнадцать рублей мой дед с женой и шестью детьми (еще двое умерли в младенческом возрасте) жил скромно, но безбедно. Квартира, отопление и освещение ему полагались бесплатные. Выручала не только дешевизна, но и хозяйственность жены, державшей корову, разводившей кур, уток, гусей, выкармливавшей к Рождеству поросенка, вместе с детьми сажавшей в огороде всякую овощь.

В Западном крае мой дед прослужил двадцать два года, потом заболел горловой чахоткой, потерял голос и вернулся с семьей на родину, в село Барятино Мещовского уезда. Родился он в 1847 году, умер в 1893 году.

На первых порах вдову с детьми поддерживали добрые люди — помещики и крестьяне. Семья помещика помогала деньгами, брала ребят погостить, звала на елку. Одна баятинская крестьянка-бобылиха сажала на сиротскую долю картошку на своем наделе, кто-то из крестьян дал моей бабушке на время корову и ничего с нее не взял. Старший сын Николай, после революции занявший пост директора подмосковной Щелковской текстильной фабрики, начал свою карьеру волостным писарем в Баятине. Дочки, Дуня и Аня, шили на деревенских девушек. Старшая дочь, Юния, а потом и Евдокия окончили в Москве акушерские курсы, Анна выдержала экзамен при Калужском епархиальном училище на звание народной учительницы и устроилась в Людинове Жиздринского уезда Калужской губернии. Предводитель дворянства Жиздринского уезда Булгаков устроил младшую дочь, Софью, на казенный счет в Жиздринскую прогимназию, а моего отца, окончившего Мещовское городское училище, взял счетоводом на свой чугунолитейный завод в деревню Глины Дудинской волости Козельского уезда.

В том, что я существую на свете, повинен Перемышль. Здесь, в городской больнице, получила место акушерки («повивальной бабки») Евдокия Михайловна и поселилась вместе с матерью и братом Михаилом Михайловичем, будущим моим отцом. Михаил Михайлович вступил в должность секретаря Перемышльской землеустроительной комиссии. Самая старшая и самая младшая из сестер устроились тоже в Перемышльском уезде: Юния Михайловна — акушеркой на медицинском пункте в селе Пятницком, Софья Михайловна — в школе села Козлова. Юня, Аня и Соня приезжали на каникулы и на время отпуска в Перемышль. Здесь-то и познакомился мой отец у кого-то на именинах с моей матерью, Еленой Михайловной Кормилицыной, проводившей несколько лет подряд в Перемышле свой летний отдых.

Пожились они в 1911 году. Мать была уверена, что у нее родится дочь, и она уже дала ей имя — Маргарита, но ожидания ее не оправдались: вместо дочери Маргариты 20 (7) ноября 1912 года у нее в Москве, куда она ездила рожать (Евдокия Михайловна боялась принимать у своей), родился сын, и сына решено было назвать Николаем.

Отец сводил с ума перемышльских барышень по большей части нехотя. До встречи с моей матерью нет-нет да и налетал на него ветерок. Погудит в ушах, упадет и затихнет. Единственной его любовью была моя мать. Он подарил ей составленную Якубовичем-Мельшиным антологию «Русская муза». В ней он подчеркивал свои любимые стихотворения или же те, что отвечали мыслям его и настроениям. Несколько чертами подчеркнул он стихотворение Зинаиды Гиппиус:

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.

Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь — одна.

И строки из стихотворения Владимира Соловьева «Бедный друг! истомил тебя путь...»:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови,
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

Я всматриваюсь в карточки моего отца — их у меня сохранилось много. Вот он сидит в саду, сложив руки на коленях, и улыбается. Сейчас видно затейника, весельчака. Но это один такой снимок. А здесь он — совсем еще юнец, здесь — тридцатилетний мужчина вдвоем с моей матерью. Но и на лице юноши, и на лице мужчины с волнами темных волос, разбегающимися над чистым, высоким лбом, с большими, затаившими кручину глазами, лежит тень обреченности. Про таких, как мой отец, говорят: «Не жилец он на белом свете».

По рассказам родных, был он, как и моя мать, вспыльчив, но отходчив. Дуться подолгу не умел. Фырк, фырк — и выкипел. Он делал добро без промедлений, без отлагательств, не понимал, как можно оставаться безучастным при виде горя, как можно пройти мимо нужды.

В Перемышле, еще холостой, он только что сшил себе сапоги. Жалованьишко у него было небольшое, и на сапоги он долго откладывал понемножку. Поздняя осень. Отец сидит, одетый, на лавочке. По улице идет босиком выгнанный со службы за пьянство чиновник Никольский. Отец стаскивает с себя сапоги и отдает Никольскому.

При сем присутствовавшие мать и сестра даже и не пытались отговаривать его. Только уж когда Никольский ушел, они мягко попеняли «Минечке» за безрассудство: ведь все равно же Никольский пропьет сапоги!

— Ну и пусть пропьет, — ответил отец, — а я не могу видеть его синие от холода ноги.

Отец был страстный книголюб. После него остался большой шкаф, набитый книгами, которые он покупал на медные гроши. Удивительно, как мало было хлама в библиотеке у этого провинциала, бывшего в Москве счетоводом несколько раз и в глаза не видевшего Петербурга. Обнаружил я после в его книжном шкафу Лассаля, Бебеля, Степняка-Кравчинского — дань кратковременного и не глубокого увлечения «революционными идеями»: оно проступило у моего отца и прошло, как корьевая сыпь. Основной фонд его библиотеки составляли русские классики и кое-кто из современников, которых прилагала «Нива».

Отец с наслаждением играл на сцене, играл, говорят, для непрофессионала хорошо, в особенности — ярко комические роли. Однако истин-